

А. П. Базианц

ИЗ ИСТОРИИ ЛАЗАРЕВСКОГО ИНСТИТУТА

Приближается 150-летие создания Лазаревского института восточных языков. Вероятно, ни одно учебное заведение дореволюционной России не получило таких противоречивых оценок у исследователей востоковедения, как Лазаревский институт восточных языков. Причем не было единодушия в оценке характера и вклада Лазаревского института ни у дореволюционных авторов, ни у советских. Вопрос этот не носит частный характер. Это вопрос о роли и месте Лазаревского института в истории культуры, о его вкладе в культурное развитие. Уже сам факт, что Лазаревский институт послужил до революции предметом политических измышлений, говорит об общественном значении этого высшего учебного заведения. Можно было не вспоминать различные лживые толкования дореволюционных авторов, если бы сейчас в нашей историографии мы имели ясную и правильную оценку роли и значения Лазаревского института. Для примера приведем высказывание авторов статьи «Двадцать лет Московского института востоковедения»¹. М. Благовещенский и П. Фесенко пишут: «...в 1815 г. в Москве был открыт Лазаревский институт восточных языков, имевший целью помочь царскому правительству в проведении его империалистических планов на Ближнем Востоке».

О характере Лазаревского института в рассматриваемый период можно судить по тому, что в 1825 г. главное руководство Институтом и покровительство над ним было возложено на графа Аракчеева—одну из мрачайших фигур царской эпохи. После графа Аракчеева, снявшего с себя в 1827 г. обязанности по руководству Институтом, по ходатайству наследников Лазарева и армянского архиепископа главноначальствующим над Институтом был назначен генерал-адъютант шеф жандармов граф Бенкендорф². Но «характер Лазаревского института» определяли не официальные «покровители», которые для частного Лазаревского института значили гораздо меньше, чем разные знатные попечители для «императорских университетов» и Царскосельского лицея. Причем не следует забывать, что и университеты и лицеи имели значительные заслуги в развитии науки, культуры и просвещения в России. Что касается Аракчеева, то ни в воспоминаниях современников, ни в архивных документах мы не можем найти следов, отражающих его «главноначальствие» над Лазаревским институтом. Очевидно, что грубый и невежественный солдафон Аракчеев не имел ни желания, ни знаний для руко-

¹ Труды Института востоковедения. Сб. № 2. М., 1940, стр. 3—16.

² Там же, стр. 8.

водства Институтом. К тому же деятельность Аракчеева в этот период была связана с Петербургом, а не Москвой, где находился Институт. В период главноначальствия Аракчеева попечители Института, семья Лазаревых, безуспешно пытались добиться прав для своего детища, официального признания его. Многочисленные попытки добиться утверждения устава Лазаревского института кончились безрезультатно.

В связи с этим выясняется еще одно весьма любопытное обстоятельство: кандидатуру Аракчеева на роль «главноначальствующего институтом» предложил Лазаревым не кто иной, как известный представитель либерального дворянства, реформатор, в недавнем прошлом крупный государственный деятель М. М. Сперанский. Михаил Михайлович был в дружеских отношениях с семьей Лазаревых, принимал участие в составлении ряда важных документов, которые готовили в России деятели армянского общественного движения (факт, к сожалению, также оставшийся вне внимания исследователей). Лазаревы поддерживали хорошие отношения со Сперанским и тогда, когда последний был в фаворе и тогда, когда находился в опале. Письма М. М. Сперанского к Х. И. Лазареву составили целую книгу. (Издана в С.-Петербурге в 1864 г.). Сперанский понимал и, видимо, разделял заботы Лазаревых об Институте. Зная, может быть, как никто, бюрократическую машину царской России, Сперанский пытался своими советами, а также через своих друзей помочь Лазаревым преодолеть препятствия на пути становления Института. Документ, в котором Лазаревы просили назначить А. А. Аракчеева главноначальствующим Институтом, составлен был М. М. Сперанским³.

После того, как Аракчеев принял звание «главноначальствующего», Сперанский стремился помочь придать Институту нужное Лазаревым направление. В письме от 23 декабря 1824 г. он пишет Х. И. Лазареву, что Гавриил Степанович Батенков⁴ «мой искренний приятель», пользующийся «особенными милостями у графа Алексея Андреевича (Аракчеева—А. Б.)...», побеседует с Вами и об училище (до 1827 г. Лазаревский институт назывался училищем—А. Б.) вашем и будущем его устройстве. Никто лучше его не может быть истолкователем ваших мыслей и предположений у главного вашего начальника (гр. Аракчеева), который званием сим, кажется, совершенно доволен и без сомнения постарается быть полезным сему заведению»⁵.

Но, как известно, покровительство А. А. Аракчеева не принесло официального признания Лазаревскому институту, и он долгое время еще оставался бесправным частным учебным заведением. Эта переписка М. М. Сперанского с Х. И. Лазаревым, дружеские отношения между ними, участие первого в составлении документов для деятелей армянского общественного движения и касающихся этого движения, говорят о том, что Лазаревы по своим взглядам были ближе к российскому

³ Письма графа М. М. Сперанского к Х. И. Лазареву. СПб., 1864, стр. 60, сноска.

⁴ Встречается написание и Батеньков.

⁵ Там же, стр. 60.

либеральному, настроенному реформаторски, дворянству, а не к реакционным кругам.

Интересной личностью являлся рекомендованный Сперанским Гавриил Семенович Батенков, который, по мысли автора письма, мог быть полезным Лазаревым для «будущего устройства» Института. Подполковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Батенков был в дружественных отношениях с братьями Бестужевыми, К. Ф. Рылеевым и другими декабристами. Он был членом Северного общества, принимал «участие в разработке плана восстания 14 декабря 1825 г., высказываясь за решительные действия и привлечение к восстанию народных масс. Намечался кандидатом Временного правительства»⁶. После восстания был арестован, заключен в одиночную камеру Петропавловской крепости, а позднее сослан.

Что же касается устава Института, т. е. его направления, то, несмотря на то, что оно считалось с ноября 1824 г. в ведомстве особого начальства, от которого зависело определение «правил для сего заведения»⁷, как было сказано выше, Аракчеев этими вопросами не занимался. В конце 1827 г. Комитет устройства учебных заведений поручил видному русскому экономисту, академику Г. Ф. Шторху, подготовить план и устав для Лазаревского учебного заведения.

Детальное знакомство с Лазаревским училищем убедило Шторха в том, что оно резко отличается от других гимназий (изучением восточных языков, подготовкой учителей для армянских училищ, а также священнослужителей). Ходатайствуя перед Комитетом о присвоении этому учебному заведению названия «лицей» или «институт», Шторх отметил большую пользу для России изучения восточных языков в Лазаревском институте.

Однако проект устава, составленный академиком Г. Ф. Шторхом совместно с крупнейшим востоковедом академиком Х. Д. Френом и лингвистом Ф. Аделунгом, не удовлетворил Комитет устройства учебных заведений, который по-прежнему чинил препятствия успешной работе Лазаревского училища. Единственное, что сделал Комитет, это, наконец, определил название училища, и 26 декабря 1827 г. оно получило наименование Лазаревский институт восточных языков⁸. Но и после этого переписка по поводу устава длилась еще долго. Рассмотрение устава и прав Лазаревского института было отложено до общего преобразования уставов всех учебных заведений.

Таким образом, определять характер Лазаревского института исходя из того, что «главноначальствующими» его были Аракчеев, Бенкендорф, нет никаких оснований.

⁶ Советская историческая энциклопедия, М., 1962, т. 2, стр. 164.

⁷ Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института восточных языков, М., 1865, стр. 23.

⁸ Московский областной государственный исторический архив, фонд 213, опись 1, д. 5, л. 174.

По сравнению с казенными учебными заведениями Лазаревский институт пользовался большей свободой действий в выборе направления. Это имело немаловажное значение в мертвящей обстановке самодержавной России. Вот почему прав был Г. И. Кананов⁹, утверждая, что и сам попечитель Иоаким Лазарев боялся «выпустить из своих рук дорогое детище—школу, дать ей несвойственную форменную окраску казенных заведений, облечь ее в стереотипную форму существования...»¹⁰.

Интересно вспомнить в связи с этим высказывание известного ученого А. К. Живелегова, относящееся еще к 1914 г. В статье «К юбилею Лазаревского института» он писал: «После Аракчеева «главнокомандующими»¹¹ были два деятеля того же типа: А. Х. Бенкендорф и гр. А. Ф. Орлов (министр внутренних дел—А. Б.). Лазаревы умели выбирать самых заядлых. Но нужно сказать правду. Под сенью этого реакционнейшего трилистника институт процветал в то время, как русские университеты подозревались в крамольстве и терпели ущемление»¹².

А. Живелегов неправ, отрицая влияние правительства на судьбу Института. Это далеко не так, и не всегда, к тому же, Институт процветал. Некоторые специфические особенности этого учебного заведения предопределили его несколько своеобразную историю.

Лазаревский институт до 1872 г. был частным, не стоил казне ни копейки. Он не входил в систему казенных учебных заведений и отличался от всех существовавших в России и готовил кадры, в которых так нуждалась страна, особенно до открытия восточного факультета Петербургского университета в пятидесятых годах XIX в. Значение имело и то обстоятельство, что царское правительство до поры до времени находило нужным считаться с армянской церковью и армянской буржуазией.

Царское правительство заигрывало с деятелями армянского освободительного движения, но только до присоединения Восточной Армении к России. В связи с этим интересно и положение Лазаревых. До начала тридцатых годов (до присоединения Армении) семья Лазаревых имела значительный политический вес при дворе, а позже влияние ее мало заметно.

Несмотря на препятствия, Лазаревский институт в течение короткого времени превратился в одно из лучших учебных заведений Москвы. Его заслуга не только в том, что он был единственным востоковедным учебным заведением Москвы. Институт превратился в один из центров армянской культуры, школу подготовки учителей для армянских учебных заведений. Он содействовал сближению прогрессивной интеллиген-

⁹ Георгий Ильич Кананов был директор Лазаревского ин-та с 1881 по 1897 г.

¹⁰ «Семидесятипяtilетие Лазаревского института восточных языков». М., 1891, стр. 10—11.

¹¹ Здесь допущена небольшая ошибка. Следовало писать «главноначальствующими».

¹² Газета «Русское слово», № 82, 10 апреля 1914 г.

ции русского и армянского народов, распространению передовых идей русской мысли среди армянского населения России.

Не следует забывать, что Институт имел большую и хорошо оборудованную типографию. Велико значение его издательской деятельности. Профессор Лазаревского института Степан (Степанос) Исаевич Назарянц совместно с великим революционером-демократом Микаелом Налбандяном (преподававшим одно время в Институте) издавали в Москве журнал «Юсисапайл», сыгравший исключительную роль в истории армянской общественной мысли.

Таким образом, деятельность Лазаревского института имела большое общественное, скорее общественно-политическое значение. Именно вот эта сторона характера деятельности Лазаревского института вызывала бешенство у реакционных кругов. С исключительной силой это отношение стало проявляться в начале нынешнего века, когда революционное движение в центральных районах стало переплетаться с движением угнетенных народов России. Особенно старались черносотенцы, члены «Союза Михаила Архангела».

Верноподданническая печать, инспирируемая правительством, пыталась любыми способами разжечь межнациональную рознь, чтобы в братоубийственной войне погасить пламя классовой борьбы, вызвать шовинистические настроения обывателей и развеять, в частности, вековые симпатии русского общества к армянскому народу.

В газетах черносотенцев публикуются доносы на Лазаревский институт, его руководителей, на попечителя, на Лазаревых. Реакционеры пользовались любыми приемами, не останавливаясь перед клеветой и грязными инсинуациями. Особенно постаралась газета «Русское знамя». Газету меньше всего интересовали Лазаревы—знатные дворяне российской империи, к тому же представители вымершей фамилии. Ее еще меньше интересовал и представитель боковой ветви этой фамилии, князь Абамелек-Лазарев, верный слуга царя, шталмейстер двора и богатейший человек. Газета пыталась навести тень на Лазаревский институт восточных языков, который, как известно, был достаточно популярным. Газета пишет, что Лазаревский институт это, мол, армянский институт, да и к тому же в сердце России—Москве, и, конечно, воздвигнут не с добрыми намерениями. А в газетах «Речь», «Русское слово» и др. находим сообщения о том, что группа реакционеров «обратилась в главную палату Михаила Архангела в Петербурге с жалобой на директора Лазаревского института восточных языков и его помощника»¹³, а также попечителя Московского учебного округа Тихомирова, обвиняя их в том, что «на службе в институте совершенно нет правых профессоров»¹⁴, что последние не представляются к наградам и их стараются выжить из Института и т. д. Интересно заметить, что московские газеты весьма иронически восприняли обвинения по адресу Гидулянова (директора Лазаревского института) и Тихомирова в отсутствие у последних «пат-

¹³ Газета «Русское слово», 1914 г., № 27.

¹⁴ Там же.

риотизма». Заметки нескольких газет по этому поводу заканчивались концовкой—«вот уже именно «своя своих не познаша»¹⁵, намекая на то, что и Гидулянов, друг министра просвещения Кассо, и Тихомиров также не придерживались прогрессивных взглядов.

Что же касается попыток очернить Лазаревский институт, то они не получили поддержки ни на страницах прессы, ни у широких кругов общественности. Автор заметки «Странная медлительность», укрывшийся под псевдонимом «Москвич», меланхолично вынужден был признать: «Ни одна московская прогрессивная газета не обмолвится и словом о деяниях Гидулянова»¹⁶. Дело, как видно, было не в Гидулянове, цену которому газеты хорошо знали. Слишком велики были заслуги Лазаревского института в развитии востоковедения, народного образования, велико было уважение московской интеллигенции к учебному заведению, которое в течение целого века было одним из очагов культуры России.

Здесь мы подошли к вопросу о роли и значении Лазаревского института в истории культуры и науки. Прежде всего Лазаревский институт имеет одну особенность. Институт сыграл значительную роль не только в истории российского востоковедения, он вписал несколько славных страниц не только в историю культуры русского народа, но и имеет большие заслуги в истории культуры и науки армянского народа. Это и особенность Института и его заслуга. В истории отечественного дореволюционного востоковедения отмечают три основных центра: Петербург, Казань и Москва. В Казани востоковедение получило развитие в первую половину прошлого века. Что касается Петербурга, то здесь в 1818 г. возник Азиатский музей, а в пятидесятых годах—восточный факультет университета. Москва же, как востоковедный учебный¹⁷ и научный центр, была представлена на протяжении целого столетия преимущественно Лазаревским институтом восточных языков.

Можно смело утверждать, что Москва вообще, а Лазаревский институт восточных языков в частности, были одним из центров культуры для армянского народа, самой большой и лучшей школой для юношества. Здесь хорошо представлена арменистика и кавказоведение как науки, осуществлялась широкая издательская деятельность.

С Москвой и Лазаревским институтом связана история лучшего для середины XIX столетия армянского прогрессивного журнала «Юсисапайл». Из стен Лазаревского института и Московского университета (сопоставление Лазаревского института с университетом связано с тем, что многие питомцы первого продолжали свое обучение в университете) вышла целая плеяда выдающихся ученых, поэтов и писателей, деятелей культуры.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Газета «Земщина», № 186, 20 июля 1916 г.

¹⁷ В Московском институте, в отдельные годы преподавали талантливые ученые-востоковеды, но систематического изучения восточных языков не было.

Велики заслуги Лазаревского института в популяризации среди армян культурных достижений России и ознакомлении русской общественности с лучшими образцами новой армянской литературы, истории народа, его многовековой истории.

Вся история Лазаревского института есть отражение борьбы направлений в армянской общественной мысли того времени, борьбы между сторонниками грабара и нового армянского литературного языка, за торжество прогрессивных научных и педагогических идей. Среди преподавателей Института и лиц, связанных с ним, мы видим и революционера-демократа М. Налбандяна, буржуазного либерала С. Назарянца и представители противоположного течения, таких деятелей, как Г. Айвазовский и М. Мсерянц. С одной стороны журнал «Юсисапайл», а с другой «Чраках».

История Лазаревского института, этого замечательного памятника культуры и науки, являет собой яркий пример дружбы великого русского и армянского народов на протяжении целого столетия.

Ա. Պ. Բագիյանց

ԼԱԶԱՐՅԱՆ ՃԵՄԱՐԱՆԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՑ

(Ա մ փ ո փ ո մ)

1815 թ. Մոսկվայում հիմնադրվեց արևելյան լեզուների կազարյան ճեմարանը, որը հետագայում՝ 1827 թ. վերանվանվեց ինստիտուտի:

Կազարյան ճեմարանը կարևոր դեր է խաղացել ազգային կադրերի պատրաստման գործում, հատկապես մինչև 19-րդ դարի 50-ական թվականները՝ Պետերբուրգի համալսարանի արևելագիտության ֆակուլտետի բացումը:

Չնայած մի շարք արգելքների, կարճ ժամանակում կազարյան ճեմարանը դարձավ Մոսկվայի լավագույն ուսումնական հաստատություններից մեկը: Կազարյան ճեմարանը ոչ միայն հանդիսանում էր Մոսկվայի միակ արևելագիտության ուսումնական հաստատությունը, այլև դարձավ հայ ժողովրդի կուլտուրայի կենտրոններից մեկը. ուսումնական հաստատությունների համար ուսուցիչների պատրաստման դպրոց, նպաստեց ուսև և հայ առաջադեմ ինտելիգենցիայի մերձեցմանը, հայ բնակչության մեջ ուսական առաջավոր դադափարների տարածմանը:

Կազարյան ճեմարանը մինչև 1872 թ. համարվում էր մասնավոր ուսումնական հաստատություն: Գոյություն ունեցող մյուս ուսումնական հաստատությունների հետ համեմատած կազարյան ճեմարանը ուսման ուղղությունների որոշման հարցում օգտվում էր աղատ գործունեության իրավունքից, որը քիչ կարևոր նշանակություն չունեի ուսումնական հաստատության համար, ցարական ինքնակալության բարացած պայմաններում:

Ցարական կառավարությունը անհրաժեշտ էր գտնում հաշվի առնել հայ եկեղեցուն և հայ բուրժուազիային: Ահա թե ինչու Հաղարևի ընտանիքը քաղաքական որոշակի կշիռ ուներ արքունիքում:

Ներկա հոդվածը նվիրված է արևելյան լեզուների Հագարյան ճեմարանի պատմության մի քանի հարցերի լուսարանմանը, նրա դերի գնահատմանը: